

Джозеф Салерно

ИНФЛЯЦИЯ И ДЕНЬГИ: ОТВЕТ ТИМБЕРЛЕЙКУ*

В своем ответе на мою статью, опубликованную в октябрьском номере «Freeman: Ideas on Liberty» за 1999 год, Ричард Тимберлейк либо ничего не говорит о наиболее важных проблемах, поднятых в моем комментарии к трем его статьям, либо неверно их истолковывает. Однако ограниченность места позволяет мне ответить только на наиболее важные его аргументы, связанные с эволюцией слова «инфляция» и определением денег.

ЭВОЛЮЦИЯ СЛОВА «ИНФЛЯЦИЯ»

Читатель должен помнить, что именно Тимберлейк в своей первой статье написал, что Ротбард «присвоил слову инфляция *новое и неприемлемое* значение» (курсив мой. — Дж. С.) для того, чтобы «обнаружить» в 1920-х годах несуществующую инфляцию. Значительную часть своей статьи я посвятил ответу на его ошибочное утверждение и документально показал, что термин «инфляция» в ротбардовском смысле имеет долгую и почтенную историю в денежной мысли.

Теперь Тимберлейк вдруг меняет направление дискуссии и доказывает, что родословная определения инфляции «вообще говоря не имеет отношения к сути проблемы». Независимо от того, верно последнее утверждение или нет, Тимберлейк обосновывает выводы, которые не имеют отношения к рассматриваемому вопросу, вопросу, который первым поднял сам Тимберлейк. Но несколькими предложениями ниже Тимберлейк опять меняет направление дискуссии, на этот раз связывая ротбардовское определение с определениями неких неназванных «старых экономистов», которые якобы «применяли термин „инфляция“, для описания увеличения массы бумажных денег *вместе с* ростом цен». Так чем же является данное Ротбардом определение инфляции — свежей изобретенной уловкой или древним заблуждением? Тимберлейк должен выбрать что-то одно.

Тимберлейк также ошибочно утверждает, что только после изобретения индексов цен в середине XIX в. экономисты получили возможность «описывать ценность денег как величину, обратную денежным ценам» или «над-

лежащим образом разграничить рост денежной массы и общий рост уровня цен». В действительности, ранние британские экономисты классической школы, которых цитирует Тиммерлейк, а именно Торнтон, Рикардо и Милль, делали то же самое, не прибегая к помощи индекса цен. Джейкоб Вайнер, великий исследователь истории классической школы, указал на это давным-давно: «Когда [экономисты классической школы] не давая точных определений говорят о ценности денег или уровне цен, они подразумевают набор цен (как на товары, так и на услуги) во всей их конкретности, не подразумевая сознательно никаких статистических средних величин»²¹. Другими словами, экономисты классической школы понимали, что ценность денег состоит из «набора» альтернативных количеств конкретных товаров, которые можно купить за денежную единицу, например, две конфеты, *или* рожок замороженного йогурта, *или* одну десятую бейсбольной кепки и так далее. Если денежной единицей является доллар, то каждое из этих количеств товаров представляет собой величину обратную цене в долларах на соответствующий товар: 0,5 долл. за две конфеты, 1 долл. за рожок замороженного йогурта, 10 долл. за бейсбольную кепку. Более того, ведущие экономисты классической школы были достаточно проникательны, чтобы осознать, что отдельные элементы, составляющие ценность денег, то есть величины, обратные конкретным денежным ценам, являются разнородными и их соотношение друг с другом постоянно меняется. Это понимание заставило некоторых из них сознательно избегать или прямо критиковать применение индекса цен, первый из которых был разработан в Англии в 1798 году²².

Теперь уместно перейти к неверной трактовке Тимберлейком современных австрийских аргументов против индексов цен. Согласно Тимберлейку, суть австрийской позиции состоит в том, что индексы цен не «субъективны». Но это вообще не «австрийское» возражение. Наоборот, австрийские экономисты, подобно ученым, разрабатывавшим денежную теорию классической школы, утверждают, что конкретные денежные цены, либо уплаченные в действительности, либо которые, как ожидается, будут уплачены в будущем—это то, что существует в *объективной* реальности в каждый момент времени и что участники рынка, соответственно, учитывают в своих экономических расчетах. Как отмечалось выше, ценность денег воплощена в структуре конкретных рыночных цен и не может рассматриваться в отрыве от нее. Любая попытка усреднить эту структуру в единый *уровень цен* является абсолютно произвольной, поскольку требует от статистика субъективного выбора какого-либо одного из существующего множества методов построения индексов. С другой стороны, ни отдельным людям, ни предприятиям для планирования своих повседневных сделок не нужен единый индекс, измеряющий изменения в ценности денег. Ибо как отмечал Людвиг фон Мизес: «Благодарная домохозяйка знает о том, как изменения цен влияют на ее

21 Viner J. Studies in the Theory of International Trade. New York: Harper & Brothers Publishers, 1937, p. 314.

22 Ibid., pp. 312–314.

хозяйство, гораздо больше, чем нам могут сказать статистические средние. Ей мало пользы от расчетов, игнорирующих изменения в качестве и количестве товаров, которые она может купить по ценам, учтенным в этих расчетах. Если она, взяв за ориентир два или три товара, „измеряет“ подорожание лично для себя, ее подход не менее „научен“ и не более произволен, чем подход искушенных математиков, манипулирующих рыночной информацией посредством своих изощренных методов»²³.

Таким образом, если говорить о содержательной стороне дела, то Ротбард и австрийцы возражают против определения инфляции как общего роста индекса потребительских цен или дефлятора ВВП, потому что это определение скрывает относительные изменения в структуре цен, вызываемые ростом денежной массы. Другими словами, рост денежной массы приводит к неравномерному росту цен, цены на одни товары увеличиваются раньше и в большей степени, чем другие. На самом деле, само понятие «уровень цен» представляет собой вводящую в заблуждение метафору, поскольку предполагает уровень некоторого объема воды, поднимающийся и понижающийся равномерно и мгновенно. Более подходящей является метафора пчелиного роя, из которого не выпадает ни одна пчела, когда при изменении направления движения роя пчелы меняют свое относительное расположение друг относительно друга. Точно также, когда «ценовой рой» поднимается или падает в результате изменения денежной массы, относительное положение индивидуальных цен, а соответственно и распределение доходов и спроса различных людей, претерпевает постоянные изменения и остается измененным, даже после того, как ценовой рой приспосабливается к новой высоте²⁴.

Опыт 20-х годов наглядно иллюстрирует революцию в структуре цен, неизбежно сопровождающую любое изменение покупательной способности денег. Как признает Тимберлейк, в течение этого десятилетия розничные и оптовые цены медленно снижались, поскольку вызванное ростом производительности труда увеличение предложения товаров и услуг обгоняло рост денежной массы. Однако он не упоминает, что именно рост денежной массы, первоначально впрыснутой на кредитный рынок, также увеличил цены на капитальные товары относительно цен на потребительские това-

23 Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005, с. 210–211. Самой последней иллюстрацией к позиции Мизеса может служить дискуссия о том, как следует изменить индекс потребительских цен с тем, чтобы он лучше «измерял» инфляцию. Вряд ли нужно говорить, что предложенные изменения, аналогичные недавнему исключению цен на продовольствие и энергию из-за их якобы «изменчивости», сами основываются на субъективных предпочтениях экономистов и статистиков. Разумеется, абсурдно предполагать, что люди и предприятия не учитывают недавний резкий рост цен на бензин при распределении своих расходов только потому, что эти цены изменчивы

24 Указание на то, что концепция ценового роя лучше, чем концепция уровня цен, принадлежит блестящему, но забытому специалисту в области денежной теории Артуру Маргету: *Margaret A. W. The Theory of Prices: A Re-examination of the Central Problem of Monetary Theory*. 2 vol. New York: Augustus M. Kelley Publishers. 1966 [1938–1942]. Vol. 2, pp. 330–336.

ры. Относительное увеличение цен на капитальные товары проявилось в буме на рынке недвижимости и на фондовом рынке, где обмениваются титулы на совокупности капитальных товаров. Кроме того, с 1921 по 1928 год снижались процентные ставки на долгосрочные и краткосрочные кредиты, отражающие разницу между ценами на капитальные и потребительские товары²⁵. Полагаясь на определение «инфляции», которое санкционирует отслеживание исключительно несуществующего уровня цен, Тимберлейк и монетаристы не замечают движения реальных денежных цен — фактора, оказывающего ключевое влияние на экономический расчет и планы предпринимателей, а следовательно, на реальные производственные процессы.

Наконец, для того чтобы опровергнуть утверждение Ротбарда, что на протяжении 20-х годов имела место сильная инфляция, Тимберлейк придумывает странный мысленный эксперимент, не имеющий никакого отношения к делу. Согласно Тимберлейку, между 1921 и 1929 годами не могло быть никакой инфляции, потому что любой человек предпочел бы доход в 2000 долларов в долларах 1929 года по сравнению с таким же доходом в долларах 1921 года, при условии, что цены в 1929 году были ниже, чем в 1921-м. Все это верно, но перед нами хрестоматийный случай, когда то, что требуется доказать, принимается в качестве допущения²⁶. Очевидно, что если с самого начала предполагается, что определение Ротбарда неверно — следовательно, инфляция определяется как повышение общего уровня цен — и считается, что цены действительно упали, тогда вывод, что никакой инфляции не было, выглядит обосновано. Но этот аргумент Тимберлейка никак не опровергает полезность ротбардовского определения инфляции. С такой же легкостью я мог бы заявить, что если бы на протяжении 1920-х годов Федеральный резерв не «инфлировал» денежную массу, то в 1929 году ценность денег была бы даже выше их фактической ценности в 1929 году, и люди предпочли бы доход в 2000 долларов в долларах 1929 года этого вымышленного мира такому же номинальному доходу в долларах реального 1929 года. Но это не доказывало бы, что определение инфляции, защищаемое Тимберлейком, бесполезно, хотя по причинам, изложенным выше, я считаю, что это так.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ДЕНЕГ

При обсуждении элементов, входящих в определение денежной массы, Тимберлейк ссылается на эмпирический тест Лиланда Йигера для выявления активов, функционирующих в качестве общего средства обмена. Согласно этому тесту, когда люди чувствуют, что у них на руках слишком много денег, они пытаются избавиться от излишка, тратя его на товары и услуги, тем самым заставляя расти цены на этих рынках. Распространение дополнительных расходов и роста цен по экономике будет продолжаться до тех пор,

25 *Homer S. A History of Interest rates.* 2nd ed. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1977. pp. 354, 372.

26 *Flew A. Thinking Straight.* Amberst, N.Y.: Prometheus Books, 1977. pp. 65–66.

пока ценность денег не снизится до значения, при котором люди будут удовлетворены владением всей существующей массой денег, поскольку их ожидаемые сделки будут теперь требовать больших сумм менее ценных денег. Таким образом, для Йигера денежная масса состоит из того, что регулярно платится и принимается в качестве окончательного платежа (например, наличные деньги и вклады до востребования) на всех рынках.

Однако вклады до востребования проходят тест Йигера не просто потому, что выписанные на них чеки можно тратить, или потому что они функционируют как независимое средство обмена наряду с наличными деньгами. Наоборот, вклады до востребования можно рассматривать как часть денежной массы потому, что их можно по первому требованию по номиналу обменять на наличные деньги, то есть на банкноты федеральных резервных банков, которые в условиях принятой у нас системы являются конечным воплощением всеобщего средства обмена. Но как только это признается, сразу же становится очевидно, что сберегательные вклады без права выписки чеков в коммерческих и сберегательных банках, как и паевые счета ссудо-сберегательных ассоциаций, функционируют подобным образом — как мгновенно погашаемые по номиналу требования на определенное количество наличных денег²⁷. То, что владелец сберегательного вклада в 1920 году не мог потратить лежащие на нем деньги, напрямую переведя посредством чека часть остатка на счете третьему лицу, а прежде чем оплатить покупку должен был идти или ехать в банк, чтобы обналичить чек, есть просто техническая деталь, не оказывающая никакого влияния на сущность экономической сделки. Поэтому сберегательные вклады и ссудо-сберегательные паевые счета в не меньшей степени, чем вклады до востребования, обеспечивают безусловный доступ к немедленно расходуемым долларам и тем самым отвечают йигеровскому критерию включения в денежную массу.

Ротбард поясняет этот момент с помощью следующего примера. Предположим, что в результате внезапно развившегося и получившего широкое распространения среди небанковской публики культурного отвращения к цифре 5, пятидолларовые банкноты больше не принимаются к обмену. Теперь, когда кто-то желает обменять свои пятидолларовые банкноты, он должен сначала ехать в банк, чтобы поменять их на долларовые банкноты других номиналов. До тех пор пока эти банкноты продолжают обмениваться по нарицательной стоимости и по первому требованию на долларовые банкноты других номиналов, нет причин возражать против их включения в денежную массу. Действительно, они проходят тест Йигера: если бы Федеральный резерв послал вертолет разбрасывать миллиарды долларов пяти-

²⁷ Как я отметил в предыдущей статье, сберегательные вклады и ссудо-сберегательные паевые счета для всех намерений и целей были эффективно обратимы в наличные деньги по первому требованию. Более того, как и в случае с вкладами до востребования, после 1934 года взаимозаменяемость по номиналу между сберегательными вкладами и ссудо-сберегательными паевыми счетами, с одной стороны, и наличными деньгами — с другой, была застрахована федеральным агентством. В отношении кредитных союзов это было сделано только после 1971 года.

долларовыми банкнотами, то очень скоро начался бы общий рост денежных цен и доходов, так как население кинулось бы тратить излишек своих остатков наличности. Как отмечает Ротбард, сберегательные вклады аналогичны пятидолларовым банкнотам в этом примере: при прочих равных условиях их рост создает в экономике избыток предложения расходуемых долларов, запуская процесс коррекции, понижающий ценность денег. Фактически, в 1920-е годы банковская кредитная экспансия привела к непропорциональному росту «срочных», или сберегательных вкладов по сравнению с вкладами до востребования, из-за того, что выплата процентов по сберегательным вкладам побудила бизнесменов держать менее активную часть своих денежных средств на этом типе банковских счетов²⁸.

Тимберлейк предлагает второй тест, который якобы поддерживает его более узкое определение денежной массы. Согласно этому эконометрическому тесту, конкретный тип актива следует включать в определение денежной массы, если его включение улучшает положительную корреляцию между эмпирическими денежными агрегатами и совокупными долларовыми расходами на конечные товары и услуги или валовым национальным продуктом. Логика этого теста подразумевает, что если после добавления предложения орехового масла к тестируемому денежному агрегату последний станет лучше «объяснять» совокупные расходы, тогда ореховое масло следует считать частью денежной массы. Но этот позитивистский тест прямо противоречит тесту Йигера, предназначенному для отождествления с деньгами только тех активов, которые *по сути* функционируют как всеобщее средство обмена, то есть которые покупаются с расчетом быть перепроданными в обмен на другие товары в будущем. Поэтому эссенциалистский тест Йигера исключает ореховое масло, потому что, по крайней мере в нашей экономике, оно является потребительским товаром, избыточное предложение которого приводит к снижению денежной цены на него самого, а не к общему росту денежных цен на другие товары. На самом деле, в той статье, которую цитирует Тимберлейк, Йигер резко критикует тот самый позитивистский подход, который отстаивает Тимберлейк.

²⁸ Подробнее об этом игнорируемом аспекте инфляции 1920-х годов см.: *Phillips C. A., McManus T. F., and Nelson R. W. Banking and the Business Cycle: A Study of the Great Depression in the United States.* New York: Arno Press, 1972 [1937], pp. 95–101; *Anderson B. M. Economics and the Public Welfare: A Financial and Economic History of the United States, 1914–1946.* 2nd ed. Indianapolis: Liberty Press. 1979, pp. 139–143. Не случайно авторы обеих этих работ находились под сильным влиянием австрийской денежной теории и теории делового цикла.